

Романтический образ Востока и его эволюция в путевых поэмах И.А. Бунина «Тень Птицы»

И.А. Бунин в письме от 12 апреля 1903 года брату Юлию сообщает, что на пароходе «Нахимов», идущем Македонским рейсом, то есть через Афон, он отправился в путешествие на Восток, в Константинополь. Это будет первое из множества путешествий по странам мусульманского и христианского Востока, которые начинающий писатель совершит с 1903 по 1909 год, побывав за это время в Турции, Египте, Иудее, Палестине, Сирии, Джибути, Алжире, Тунисе, Ливане, Судане, а в 1911 году – на Цейлоне. Писателем также были задуманы поездки в Индию и Японию, которые не осуществились, как следует из писем И.А. Бунина, по причине болезни и нехватки средств. Как отмечает В.Н. Муромцева-Бунина, «неоднократные путешествия по странам Европы и на Восток широко раздвинули мир перед его (Бунина – Т.К.) взором» [11: 289], способствовали обогащению тематики его творчества. Сам И.А. Бунин не раз писал о значении путешествий в его жизни: «Всякое путешествие очень меняет человека», «Путешествия играли в моей жизни огромную роль». «Что касается вообще странствий, то у меня... сложилась... даже некоторая философия. Я не знаю ничего лучше путешествий», – подчеркивает писатель в одном из интервью 1912 года [2: 594].

Готовясь к поездкам по Востоку, писатель серьезно изучал Библию, Коран, канонические книги буддизма, ознакомился с древнеегипетскими, халдейскими, иранскими мифами, сирийскими преданиями, читал книги «Святая земля» Олесницкого, «Историю Баальбека» Тишендорфа, «Древнюю историю народов Востока», «Древнюю историю: Египет, Ассирия» Масперо. В определенной степени на мировоззрение и творчество молодого писателя повлияли взгляды Л.Н. Толстого, который навсегда остался для И.А. Бунина учителем и великим искателем истины. Л.Н. Толстой видел в Востоке некий противовес «разврату европейских цивилизаций: размышляя о роли Востока в духовной жизни человечества, в «Письме к китайцу» (1906) он утверждал, что назначение народов России, Китая, Палестины, Персии, Турции, Индии заключается в том, чтобы указать народам мира истинный путь, для выражения которого в китайском языке есть слово «Тао», то есть деятельность, сообразная с высшим законом жизни [12: 292].

Поездки в восточные страны оставили существенный след в душе И.А. Бунина и в его творчестве. Письма, дневники, интервью, художественные произведения Бунина, воспоминания В.Н. Муромцевой-Буниной свидетельствуют о том, что писатель испытывал огромный интерес к культурам и религиозным системам Востока – эстетический, научный и философско-мировоззренческий. М. Горький выделял «органическое, наследственное тяготение к Востоку» как характерную черту мировосприятия Бунина и его концепции мира и человека, о чем свидетельствуют признания самого И.А. Бунина: «Восток – царство Солнца. Востоку принадлежит будущее». В беседе с корреспондентом «Одесского листка» 2 марта 1910 он замечает: «Я вообще люблю Восток и восточную религию». Исследователь А.М. Федоров, переведивший произведения о жизни Будды, в стихотворении, посвященном И.А. Бунину, относил его к тем людям, кому «ясна душа Востока».

Влияние Востока на творчество И.А. Бунина – обширная тема, исследование которой только начинается. В настоящей статье мы обращаемся к проблеме эволюции романтического образа Востока (в цикле «путевых поэм» «Тень Птицы»), оставшейся без внимания исследователей.

В основу путевых поэм «Тень Птицы» положены впечатления Бунина от путешествий-странствий по Ближнему Востоку в период с 1903 по 1909 год. В очерках, написанных непосредственно после первой русской революции, чувствуется неприятие драматизма российской действительности, отталкивание от непримиримых социальных противоречий, стремление найти некий идеал гармонической жизни. Иногда это прорывается в открытых признаниях героя-повествователя: «Просыпаешься под топот матросов, моющих палубу, с отрадной мыслью, что ночь провел, предавшись воле божьей, возле тонкой железной стенки, за которой всю ночь шумно переливались волны. Одеваешься возле открытого иллюминатора, в который тянет прохладной свежестью, и с радостью вспоминаешь, что Россия уже за триста миль от тебя...» [2: 500].

Бунин переносит читателя в страны Леванта, в потрясающий по красоте и древности восточный мир и показывает этот мир мастерски, порой с фотографической точностью воссоздавая увиденные картины, выделяя «крупным планом» самые яркие, самые примечательные черты страны, города, эпохи или памятника культуры. Как отмечал П. Бицилли, «вместе с Буниным мы проделываем его паломничество, видим посещенный им Восток так, как если бы он «в самом деле» был нам показан» [1: 494].

На страницах путевых поэм возникают великолепные незабываемые картины городов, памятников архитектуры: «единственный в мире силуэт Стамбула, над которым – копия минаретов и полусферы на султанских мечетях...» [2: 503]; «одно из чудес земли – древне-приземистый, первобытно-простой, огромный и единственный на земле по легкости полушар-купол» Ая-Софии, где как бы слились воедино христианство и мусульманство [2: 511]; «Иерусалим, устроенный, как одно здание... весь в каменных купольчиках, опрокинутыми чашами раскиданных по уступам его сплошной кровли... Первобытно-простой, первобытно-грубый по кладке... – он весь заключен в зубчатую толщу стен и кажется несокрушимым» [2: 520].

Особенно ярко романтическое начало проявляется в первом очерке, который носит название, как и весь цикл, – «Тень Птицы». В этом очерке воссозданы впечатления и события первых поездок Бунина в Турцию: в 1903 году, когда он путешествовал один, и в 1907 году, когда отправился по странам Леванта вместе с молодой женой Верой Николаевной Муромцевой-Буниной. В письме брату от 13 апреля 1903 года Бунин, подробно передавая свои впечатления, подчеркивает красоту открывающегося перед ним восточного мира: «Вход в Босфор показался мне диковатым, но красивым. Гористые пустынные берега, зеленоватые, сухого тона, довольно резких очертаний. Во всем что-то новое глазу. Кое-где, почти у воды, маленькие крепости, с минаретами <...> Босфор поразил его красотой» [2: 658]. В путевой поэме «Тень Птицы» Бунин предельно романтизирует образ Востока, рисуя почти сказочные по красоте картины Стамбула и ночного побережья Турции: «Зеленоватое небо еще светло над темным и четким восточным силуэтом Стамбула, над сиренево-стальной водой и над шестью мачт в Золотом Рого... Я вижу темную Скутарийскую гору, засыпанную роями огненно-золотых пчел. Тысячи самоцветных камней – крупных изумрудов, брильянтов и рубинов – рассеяны по кораблям темнеющего рейда. Бледные топовые огни, как лампадки, высоко висят на всех мачтах возле набережной» [2: 506].

В «Тени Птицы» Бунин рисует мир, совершенно не похожий на российскую действительность 1900-х годов с обострившимися социальными противоречиями, с разрушающейся деревней, с кровавыми драмами первой русской революции. Ничего этого нет в том полусказочном-полуреальном восточном мире, который показан в первой путевой поэме. Бунин создает почти идиллическую картину жизни, наполненной солнцем, теплом, отдыхом, безмятежностью: «И мне никогда не забыть сладкой, деревенской тишины Скутари, его стен, кладбищ, густых садов, запутанных переулков... Сколько в этой сплошной садовой глуши, называемой Скутари, старых

мраморных фонтанов, в хрустальной воде которых моют загорелые ноги странники, благословящие именем бога и эту воду, и легкую весеннюю тень развесистого дерева над фонтаном, и дремотное жужжание пчел на цветущих абрикосах!» [2: 505-506]. В таком сильном романтическом начале чувствуется жажда покоя и красоты, стремление уйти от злобы дня, от драматической российской действительности.

Вспоминая о путешествии на Восток 1907 года, В.Н. Муромцева-Бунина писала, что Бунин «взял с собою книгу персидского поэта Саади «Тезкират», он всегда, когда отправлялся на Восток, возил ее с собой» [11: 146]. Восточный поэт Саади Ширазский, «усладительнейший из писателей предшествовавших и лучший из последующих» [2: 500], предстает для Бунина в этот период жизни неким примером для подражания. О романтическом мироощущении, о жажде некоего идеала жизни Бунин говорит словами полюбившегося Саади:

«– Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать на странствования и тридцать на размышления, созерцание и творчество...

– Много странствовал я в дальних краях земли...

– Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы обозреть Красоту Мира и оставить по себе чекан души своей!

– Ибо лучше ходить босиком, чем в обуви узкой, лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома» [2: 500-501].

Мотив искания Красоты мира станет лейтмотивным для первой путевой поэмы, проявляясь и в некоторых других очерках цикла. Романтическое начало отчасти повлияло и на жанровое своеобразие произведения: включая его в Полное собрание сочинений 1915 года, писатель называет «Тень Птицы» не очерками, а именно «путевыми поэмами», подчеркнув авторским жанровым определением и лиро-эпический характер, и пафос произведения.

Вместе с тем, несмотря на романтическую поэтизацию, путевые поэмы поражают авторским знанием истории, быта, уклада жизни стран Востока, зорко подмеченными деталями в описаниях городов, исторических достопримечательностей, портретных и пейзажных зарисовках, богатым «восточным» словарем: «старики в белых и зеленых чалмах, в меховых безрукавках и халатах, отороченных мехом» [2: 505], «женщины, закутанные в розовые и черные фередже» [2: 505], «черные, курчаво-седые старики-семиты с обнаженными бурыми грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках; ирмаилитянки в черно-синих рубахах, идущие гордой и легкой походкой с огромными кувшинами на плечах» [2: 540].

Романтически экспрессивные пейзажи чередуются в первом очерке цикла «Тень Птицы» с реалистически подробными зарисовками. Вот, например, насыщенное деталями описание порта Стамбула: «Ревут вокруг трубы отходящих пароходов, в терцию кричат колесные пакеботы, гудит от топота копыт деревянный мост Султан-Валидэ на Золотом Роге, хлопают бичи, раздаются крики водоносов в толпе, кипящей на набережной Галаты... Оттуда, из товарных складов, возбуждающе пахнет ванилью и рогожами колониальных товаров; с пароходов смолой, кокосом и зерновым хлебом, сыплющимся в трюмы, от воды, взбудораженной винтами и веслами, – огуречной свежестью...» [2: 503].

Но, наряду с исканиями Красоты Мира, Бунин называет еще одну цель своих странствий, которая заявлена уже в первом очерке и в полной мере реализуется в последующих очерках цикла: открытие тайн мудрости Востока, это поиски вечных основ бытия, общих для всего человечества. Предостерегая от поверхностного понимания своих поездок, Бунин подчеркивал, что, прежде всего, его «занимали вопросы философские, религиозные, нравственные, исторические» [2: 656].

Историко-культурный хронотоп, представляющий собой один из пространственно-временных уровней путевых поэм, с одной стороны, воссоздает картины стран, городов, конкретных географических пространств и исторических

времен, с другой – воплощает духовное наследие человечества. Памятники древнего Востока, сама его земля предстают в цикле, говоря словами Бунина, «раскрытой книгой Бытия». Историко-культурные знаки прошлого, существующие в настоящем, служат автору поводом для философских размышлений. Внутренним сюжетом путевых очерков Бунина являются религиозно-философские искания автора, его раздумья о жизни человечества, о развитии и смене мировых цивилизаций, об исканиях народами единого Бога.

Обращаясь к прошлому Востока, автор стремится разгадать тайны жизни и смерти, смысла бытия – того главного, что объединяет все народы во все времена. Одним из символических выражений вечных общечеловеческих сокровенных ценностей – идеи Бога – является древнейший архетип Солнца. Путешествия на Восток – своеобразное паломничество к «алтарям Солнца», которые разбросаны повсюду на земле. Как правило, главными образами «поэм» являются подобные алтари, храмы, которые в мифопоэтической традиции представляют собой сакральные центры пространства. Бунин неоднократно подчеркивает, что все служения Богу всегда имели в основе своей только Свет, Солнце: «Свет и во тьме светит... Вот закатилось солнце, но и во тьме только солнцем живет и дышит все сущее... И только к свету стремится все в мире» [2: 523]. Неслучайно в «путевых поэмах» мы наблюдаем некое «смещение вер». Для Бунина важны не религиозные различия народов, а те идеалы и ценности, которые их объединяют вне верований и исторических эпох. Только такие цивилизации продолжают развиваться, в которых торжествовало стремление к свету – Богу; древние же царства, «созидавшиеся на костях и рабстве, земля уже много раз пожирала со всеми их богатствами» [2: 596]. Этот бессмертный Свет является символическим выражением одной из важных основ романтического мироощущения И.А. Бунина. В ранних редакциях путевая поэма «Тень Птицы» завершалась романтически приподнятым призывом: «Будем служить людям земли и богу вселенной, – богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает все сущее» [2: 596]. Однако приведенные строки из окончательного варианта поэмы «Тень Птицы» писатель убирает, что свидетельствует о развитии первоначального замысла путевых поэм и, прежде всего, об углублении религиозной темы во всем цикле. Восток для И.А. Бунина – место зарождения религий единобожия: иудаизма, христианства, ислама. В разных странах Востока, в разных культурах и религиях писатель стремится найти единые, общие для всего человечества начала. Однако Бунин подчеркивал, что воспринимал свои восточные поездки не просто как путешествия, но и как паломничество на Святую Землю, о чем он напишет позднее в лирико-философском эссе «Роза Иерихона»: «Совершал я свое первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во Святую Землю Господа нашего Иисуса Христа» [3: 166]. Данное признание Бунина является одновременно и указанием автора на то, какое большое значение имеет библейский Восток в «путевых поэмах», поэтому исследование библейских образов и мотивов, библейского хронотопа представляется весьма важным для понимания цикла «Тень Птицы» [7: 509], [8].

Образ Востока в путевых поэмах И.А. Бунина «Тень Птицы» не остается неизменным, претерпевает эволюцию. Теряя романтические черты, этот образ становится многогранным, сложным по концепции, синкретичным. Значимость библейского хронотопа позволяет опровергнуть интерпретацию цикла «Тень Птицы» как путешествия в поисках Красоты Мира [9]. Действительно, мотив исканий Красоты Мира звучит в «путевых поэмах» И.А. Бунина, однако ведущим он является лишь в первом очерке цикла. Герой-повествователь завершает свою поездку на Восток не как праздный путешественник, жаждущий все новых и новых впечатлений и странствующий в поисках Красоты. Цели его странствий изменились, как изменился и сам И.А. Бунин за годы, прошедшие со времени первого путешествия в страны Леванта (в Константинополь в 1903 г.) и с момента написания первого очерка цикла (1907 г.).

Искания Красоты уходят на второй план, а порой и вовсе исчезает из «путевых поэм», посвященных паломничеству на Святую Землю. В них – глубокое духовное погружение в библейское время-пространство, которое становится временем-пространством автора, в них – встреча с Иисусом Христом, ощущение Его как главного жизненного примера, «проживание» испытаний Христа как «величайшей из земных трагедий», глубокое концептуальное понимание роли Спасителя в истории человечества. И потому уже не «усладительнейшего» Саади читает в конце путешествия совершивший настоящее духовное восхождение повествователь, душа его просит совсем иного – она тянется к Библии. Таким обращением к Вечной книге и завершается цикл «путевых поэм» Бунина «Тень Птицы»: «И, оставшись один на террасе, я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было передо мною...» (3, 586). Обращение героя-повествователя к Библии – безусловно, знаковое, символическое событие не только «поэмы» «Геннисарет», завершающей цикл, но и всего произведения в целом [7: 521].

Глубокое понимание мира, культуры, религиозных ценностей народов Востока сделало И.А. Бунина достойным продолжателем традиций А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других русских писателей и поэтов в постижении Востока [4: 181-183], [5], [6]. [10]. В то же время сложный по концепции, самобытный и неповторимый образ Востока в творчестве И.А. Бунина – совершенно новый этап в осмыслении русской литературой восточного мира.

Библиографический список

1. Бицилли П. Иван Бунин. «Тень птицы» // Современные записки. Париж, 1931. Т.47.
2. Бунин И.А. Собр. соч. В 6-и т. М.: Художественная литература, 1987. Т.3.
3. Бунин И.А. Собр. соч. В 6-и т. М.: Художественная литература, 1987. Т.4.
4. Алимуратов О.А., Витковская Л.В. «М.Ю. Лермонтов: между Западом и Востоком» // Вестник ПГЛУ. 2014. № 4.
5. Захаров В.А. «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Кавказа как Востока в произведениях М.Ю. Лермонтова // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. № 1 (14). С. 65-83.
6. Казиева А.М. Антиномия Запада и Востока: пути формирования культурного синтеза // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 27-37.
7. Ковалева Т. Н. Библейский хронотоп в путевых поэмах «Тень Птицы» И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. Вып. 13: Актуальные аспекты. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. С.507–527.
8. Ковалева Т.Н. «Все Тобой сотворено...»: пантеистическая лирика И.А. Бунина // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть IX. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 35–39.
9. Кознова Н. Н. «Жизнь, свет, красота» – лейтмотив путевых очерков И.А. Бунина «Тень Птицы» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX-XX веков: статьи и тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 70-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. Вып. 3. 248 с.
10. Мурнаева Л.И. Лермонтов – Кавказ: система кавказских традиций, символов, типов, образов // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. № 1 (12). С. 77-88.
11. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.:Вагриус, 2007. 528 с.
12. Толстой Л.Н. Письмо к китайцу // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.36. М.-Л.: Просвещение, 1936.